

ДАСТАН КАДИРБАЕВ

КОРОЛЬ

ПРИЗРАК

Дастан Кадирбаев

Король Призрак

«Автор»

2026

Кадирбаев Д.

Король Призрак / Д. Кадирбаев — «Автор», 2026

Нордвиг — суровая земля древних богов и железных нравов. Здесь не молятся о чуде. Здесь выживают. Бьёрн Корвель, седьмой король династии, правит этим краем. Он справедлив, твёрд и непреклонен. Лорды боятся его решений, народ уважает его волю, а враги не решаются переступить границы. Но за короной и титулом скрывается то, чего Бьёрн не показывает никому: он не чувствует тепла. Ни к кому. Ни к чему. Он правит как механизм, выполняя долг, но внутри — ледяная пустота. Любовь, сострадание, радость — всё это осталось где-то за пределами его мира. Однажды привычный порядок даёт трещину и Бьёрну приходится столкнуться с тем, что он так долго избегал: с самим собой. Смогут ли холод и долг удержать трон, когда он чувствует что он не на своём месте.

© Кадирбаев Д., 2026

© Автор, 2026

Дастан Кадирбаев

Король Призрак

Всемогущий Саа

В стародавние времена, когда мир был молод и боги ещё не делили землю, жили они все вместе — и добрые, и злые, и равнодушные. Но один из них, Саа, не желал подчиняться общим законам. Он был рождён из стужи и гранита, из ветра, который не знает преград, и его сердце билось в такт метелям.

Другие боги смеялись над ним.

— Ты слишком дик, — говорили они. — Ты не умеешь договариваться. Ты только разрушаешь.

Саа не ответил. Он взял свою каменную секиру и вышел на поле битвы.

Первый бог, которого он вызвал, был богом огня. Они бились три дня и три ночи. Огонь плавил скалы, но холод Саа гасил пламя. В конце концов бог огня рухнул на колени.

— Я сдаюсь, — прошептал он.

— Нет, — ответил Саа. — Ты просто устал. Отдохни и возвращайся. Я буду ждать.

И бог огня возвращался. И снова проигрывал. И снова. Пока не понял, что Саа не хочет его убивать — он хочет, чтобы они сражались вечно. Так у них появилась связь: огонь и холод, враги и братья.

Вторым был бог неба. Он метал молнии, заливал землю дождями, но Саа поднялся выше туч и ударил секирой с такой силой, что небо расколосось на две половины.

— Теперь это моё небо, — сказал Саа. — Будешь жить здесь, но по моим правилам.

Третьим, четвёртым, пятым... Саа бился со всеми. С богом моря, с богиней плодородия, с повелителем мёртвых. Никто не мог одолеть его. Не потому, что он был сильнее — потому что он был упрямее. Он не знал страха поражения, потому что не боялся ничего, кроме бездействия.

Со временем другие боги смирились. Они признали Саа главным, отдали ему северные земли — самые суровые, самые бесплодные. Но некоторые остались верны себе: бог лжи, богиня предательства, дух хаоса. Они не подчинились и до сих пор воюют с Саа, прячась в тенях, плетя интриги, насылая на людей скверну.

А Саа не ищет их. Он ждёт. Потому что уверен: те, кто хочет сражаться, — придут сами.

Людам, которых Саа поселил в Нордвиге, он наказал:

— Не молитесь мне. Не приносите жертв. Не ждите чуда. Я дал вам две руки, острый ум и холодную землю. Остальное вы сделаете сами. Но запомните: если вы проиграете — проиграю я. А я не проигрываю никогда.

С тех пор нордвигцы живут суровой жизнью. Они не ждут подачек от богов. Они куют мечи, строят башни, плывут по ледяному морю. И в каждом доме висит изображение Саа: человеческая фигура с закрытыми глазами и распростёртыми руками — без лица, без плоти, но с памятью о тысячах битв.

Короли Нордвиги из рода Корвелей веками черпали силу в этой вере. И Бьёрн, седьмой король династии, был одним из них. Он не просил у Саа победы. Он сам брал меч и шёл в бой, хромой, но непокорённый.

ГЛАВА 1. ХОЛОД

Первое воспоминание Бьёрна — не мать, не отец, не игрушка. Это холод. И свет факелов, отражающихся в его глазах.

Таких глаз, как у него, не было ни у кого в Сторгарде. Ярко-голубых, как ледниковая вода, как зимнее небо над горами. Такие же глаза были у отца. У деда — которого Бьёрн никогда не видел. И у прадеда, чей портрет висел в галерее, — тот же ледяной блеск. Старики говорили: Корвели носят глаза древнего зверя. Или проклятие.

Волосы у Бьёрна были чёрными, как смола, как вороново крыло. Они чуть не дотягивали до плеч — мать велела их не стричь, говорила, что длинные волосы приличествуют принцу. Кожа бледная, но не мертвенно-бледная — живая, с едва заметным румянцем на скулах холодными вечерами. Нос не большой, среднего размера — не отцовский, тяжёлый, а аккуратный. Губы тонкие, бледные.

Он не был печален. Он был пуст. И эта пустота пугала его больше, чем замковый холод.

За стенами замка лежал Нордвиг — холодный, серый, не улыбочивый. Земля, где лето коротко, а зима тянется так долго, что люди забывают тепло. Где крестьяне пахут на каменистых склонах, а рыбаки уходят в Холодное море и не всегда возвращаются. Люди здесь молчаливы, не кланяются без нужды и не улыбаются чужакам. Они растят детей в суровости, верят в древних богов и помнят обиды по сто лет.

Главный из древних богов — Саа. Он создал Нордвиг из пустоты и холода, а людям дал власть управлять своей судьбой. «Саа не вмешивается, — говорили жрецы. — Он смотрит и ждёт, как ты распорядишься своей жизнью». Ему не молились о дожде — он сам решал. Ему не приносили жертв — он не нуждался в крови. Только в поступках.

Бьёрн ещё не знал всех этих слов. Но он уже чувствовал: там, за стенами, есть мир, который ему предстояло понять. Или не понять.

Покой Бьёрна находился в Восточной башне, на третьем ярусе — достаточно высоко, чтобы из оконного проёма был виден Нижний Город, но достаточно низко, чтобы старая нянька Грета могла подняться по лестнице. «Каменная клетка», — называл это место юный Бьёрн.

Стены грубые, неоштукатуренные, каменная плита под ногами скрипучая, с щелями. Под сводом — железное кольцо для люстры, но люстры нет. Только крюк для масляной лампы. Узкое окно с решёткой смотрело на юг. Зимой стёкла покрывались льдом изнутри, и Бьёрн царапал на них имена — свои, отца, лошади, которую ему обещали подарить.

Вдоль одной стены — кровать из чёрного дуба. Слишком большая для пятилетнего. На ней — толстый тюфяк, набитый соломой, и поверх — медвежья шкура. Старая, местами вытертая до лысин. Бьёрн боялся её по ночам: ему казалось, что медведь ещё жив и просто ждёт. Ждёт момента чтобы напасть.

У противоположной стены — стол с чернильницей из кости и гусиными перьями в глиняной кружке. На стенах — два выцветших гобелена. На одном — охота: всадники с копьями преследуют оленя. Глаза у всадников стёрлись, и казалось, что на лошадях сидят призраки. На другом — резное изображение Саа: человеческая фигура с закрытыми глазами и распростёртыми руками. Без лица. Без плоти. Только силуэт.

В углу, за сундуком, лежали игрушки: деревянный меч с обломанным кончиком, воин (солдатик) из сосновой щепки, глиняный медвежонок с отбитым ухом. Бьёрн почти не играл в них. Иногда брал медвежонок и думал: «Ты такой же, как на флаге. Только маленький».

В покое всегда пахло сыростью, дымом из камина в соседней зале и старым воском от свечей.

Тронный зал Феллберга был огромен. Своды терялись в темноте под самой крышей — туда, где, как шептали слуги, живут летучие мыши и по ночам выползают призраки древних

королей. Стены из чёрного камня, потемневшего от копоти. Сотни свечей в железных канделябрах почти не давали света — только коптели и чадили. Каменный пол скользкий от сырости, и где-то под ним, глубоко, текла подземная река.

В центре зала, на возвышении, стоял трон. Над ним свисало полотнище — флаг Нордвиги: тёмно-серое, почти чёрное, с широкой красной полосой по нижнему краю, цвета запёкшейся крови. В центре был вышит медведь. Не на задних лапах, как на гербе дома Корвелей, а сбоку, в профиль. Он шёл — медленно, тяжело, опустив голову. Мощное плечо, изогнутая спина и приоткрытая пасть. И глаза — ярко-голубые, того же оттенка, что и у всех Корвелей.

Бьёрн смотрел на флаг и не знал, что эта случайность когда-то станет его проклятием.

На троне сидел отец. Король Магнус Корвель, шестой из династии. Широко расставив ноги в сапогах с железными набойками. Плащ из волчьего меха, тяжёлый и мокрый — на улице третий день лил дождь. От него пахло лошадиным потом, железом и можжевелевой настойкой. Борода мокрая, слиплась сосульками, а глаза — ярко-голубые, как у его отца, и как у всех королей.

Придворные кланялись. Толпились вдоль стен, переминались с ноги на ногу. Бьёрн различал их: лорд Веллан — толстый, красномордый, всегда трогает свой золотой перстень; старый ярл Агмунд — седой, с деревянной ногой, опирается на трость; послы из Таврии — в ярких шёлковых плащах, чужеродные среди серого камня.

Бьёрн не вслушивался в их слова. Он смотрел на отца и думал: «Почему все стоят, а он сидит? Потому что он — король. А что такое король? Тот, кто родился в этом зале? Или тот, у кого самый тяжёлый меч?»

Мать, королева Элин, стояла в первом ряду, чуть правее трона. Тёмно-синее платье с серебряной вышивкой, волосы убраны в сложную причёску с жемчужными нитями. Она была красива, но холодна. Бьёрн заметил: мать никогда не смотрит на него во время приёмов. Она смотрит на отца, на послов, на лордов — на кого угодно, только не на сына. А когда встречались в переходе, говорила «доброе утро, сын» тем же голосом, что и «принесите вина».

«Я для неё — стена, стол, сын. Всё одинаково», — думал Бьёрн.

Через три дня после того приёма Бьёрн впервые увидел, как отец наказывает провинившегося.

Случилось это на плацу между Чёрной и Восточной башнями. Старый конюх Грегор не запер ворота конюшни, и два королевских жеребца выбежали во внешний двор. Их поймали быстро, но один поранил ногу о колышек. Рана была пуляковой, лекарь сказал — через две недели заживёт.

Магнус велел выпороть Грегора. Сам отсчитывал удары.

Бьёрн стоял у окна. Видел, как старика раздели до пояса, привязали к столбу. Первые пять ударов Грегор терпел молча, только качался. Потом закричал — тонко, по-звериному. На двадцатом ударе смолк. На двадцать пятом — обмяк. Палач поднял голову. Магнус кивнул: хватит. Грегора отвязали, унесли. Он выжил, но всю оставшуюся жизнь не мог работать правой рукой — сухожилия перебило.

Бьёрн не заплакал. Смотрел, как тащат по камням кровавую полосу. «Отец мог бы просто прикрикнуть. Почему он выбрал кнут?»

Вечером он спросил у Греты:

— Грегор украл коня?

— Нет, господин. Просто забыл запереть ворота, — Грета помешивала кашу в горшке, подвешенном над очагом.

— А почему его наказали так сильно?

— Потому что король Магнус считает: если прощать малые ошибки, люди перестанут бояться больших. Я не знаю, правильно ли это. Я простая женщина.

Бьёрн съел кашу и лёг. Но уснул не скоро.

В замке жили десятки людей, о которых редко вспоминали. Среди них были и дети — сироты или те, кого родители отдали в услужение за долги. Одного такого мальчика Бьёрн встретил в переходе, соединявшем поварню с кладовыми.

Мальчишку звали Свейн. Ему было примерно столько же, сколько Бьёрну. Тощий, чумазый, с вихрами соломенных волос и вечно мокрым носом. Одет в мешок из грубой дерюги, перетянутый верёвкой. Свейн работал в поварне — носил дрова, мыл горшки, чистил рыбу.

Бьёрн бродил по служебным переходам. Зашёл в тупик, где пахло кислой капустой и мышами, и наткнулся на Свейна.

— Здравствуй, — сказал Бьёрн.

Свейн поднял голову, увидел принца и прирос к стене.

— Я не хотел... я здесь по делу, господин...

— Не бойся. Я просто гуляю.

— Здесь грязно, господин.

— Я знаю. Мне здесь нравится.

Свейн смотрел на него с недоверием и любопытством — как на невиданного зверя.

— А правда, что тебя кормят золотыми ложками? — спросил он.

— Нет. Железными. Золото только на коронах, а ложки для еды.

Свейн хихикнул, но потом вдруг посерьёзnel.

— А я бы хотел когда-нибудь носить твой меч. Как оруженосец.

Бьёрн внимательно посмотрел на него.

— Может, и будешь. Если научишься держать его в руках.

Свейн просиял.

С того дня они стали видеться почти каждый вечер.

ГЛАВА 2. МЕЧ

Сторгард, замок Феллберг.

Бьёрну шёл седьмой год, когда старый воин Велон начал учить его обращению с мечом. Велон был ветераном, лишился левого уха в стычке с болотными тварями и ходил с очень серьёзным лицом. Мальчик сначала боялся его, потом привык.

Тренировочный зал находился в подвале Чёрной башни. Это была длинная комната с низкими сводами, где вдоль грубых каменных стен стояли стойки с оружием. Пахло потом, кожей и ржавым железом. Свет давали три масляные лампы, которые чадили так, что к концу занятия у Бьёрна начинали слезиться глаза.

— Ноги шире! — рявкал Велон. — Спина прямая! Меч не метла, это оружие. Чувствуй вес!

Бьёрн послушно раздвигал ноги, выпрямлялся, сжимал деревянный меч. Руки уставали быстро, но он не жаловался.

Однажды в зал вошёл король Магнус. Он был огромен, в чёрном кожаном доспехе, подбитом волчьим мехом, с мечом на поясе. От него пахло железом, вином и чем-то ещё — тем, что заставляло Бьёрна выпрямляться даже без приказа.

Магнус вынул из ножен настоящий клинок — тёмную нордвигскую сталь с едва заметным голубоватым отливом, простой, без украшений.

— Дай ему, — сказал он Велону.

Велон замялся.

— Государь, он ещё мал. Этот меч весит больше, чем...

— Мал — значит, пусть учится держать.

Бьёрн протянул руки. Меч опустился на его ладони — тяжёлый, холодный, почти в его рост. Мальчик покачнулся, но устоял.

— Тяжёлый, — выдохнул он.

— Жизнь тяжела, — ответил отец. — Меч должен быть таким же. Чтобы ты помнил.

— Что помнить?

Магнус опустился на корточки, и его лицо оказалось на одном уровне с лицом сына.

— Что убивать — это не игра. Не доблесть. Не забава. Это труд. Тяжёлый, грязный, кровавый труд. Те, кто убивают с лёгкостью, мертвы внутри. Они — пустые. Запомни.

— Я запомню, — ответил Бьёрн.

Магнус кивнул коротко, почти незаметно, поднялся, на секунду замер, сжимая кулаки, и стремительно вышел, оставив после себя напряжённую тишину.

Бьёрн остался с мечом в руках. Он не опускал оружие, пока руки не онемели, пока пальцы не разжались сами. Меч выпал, зазвенев о каменный пол.

Велон поднял его.

— Ничего, принц, — сказал Велон, похлопав его по плечу. — В первый раз всегда трудно.

Бьёрн оглядел тренировочный зал: позолота, тяжёлые гобелены, суровые лица придворных. Он знал: не привыкнет. Этот мир был чужим, и даже тёплые слова наставника не могли согреть его.

Отец Бьёрна, король Магнус, не был жестоким. Он был закрытым и суровым. Люди говорили, что в молодости он ходил на север и убил великана, который утащил четырёх детей из деревни Каменные Ключи. Он взял с собой пятерых воинов, трое не вернулись, но он приволок голову чудовища на волокуше.

Грета, нянька, рассказывала Бьёрну и другие истории.

— Лорды боялись вашего отца. Он не давал им грабить крестьян. Однажды ярл Гримкель отказался платить налог. Король пришёл в его поместье с тремя десятками воинов и велел выпороть самого ярла на глазах у челяди. Тот плакал, клялся, но заплатил.

— Жестоко, — сказал Бьёрн.

— Сурово, — поправила Грета. — Это разные вещи.

Бьёрн не понял, но запомнил.

Иногда, редко, Магнус позволял себе то, что Бьёрн называл «тёплым днём».

Однажды он взял сына в кузницу и показал, как кузнец держит клещи, как угли пышут жаром.

— Запомни, — сказал он. — Железо не врёт. Перегрел — испортил. Недогрел — хрупкое. Человек — так же.

— Человек — железо? — не понял Бьёрн.

— Человек — выбор. Каждый сам решает, быть ему крепким или ржавым.

Эти слова врезались в память мальчика навсегда.

На вторую зиму занятий с Велоном в зале появились другие ученики. Сын лорда Веллана — коренастый, злой, на год старше Бьёрна. Парень по имени Торкель — сын кузнеца из Нижнего Города, широкоплечий, молчаливый. И Аста — девочка, которую наставник Велон взял в ученицы, потому что та хотела стать знахаркой и «лечить раны, но сначала должна знать, откуда они берутся».

Аста была невысокой, с русыми волосами, заплетёнными в косу. Она не боялась Велона и не стеснялась мальчишек. Когда Сигурд, сын лорда Веллана, попытался толкнуть её в плечо, она сбила его с ног учебным мечом и сказала:

— Ещё раз тронешь — перережу горло. И скажу, что ты напал первым.

Сигурд больше не приставал к ней.

Бьёрн смотрел на Асту и думал: «Она сильнее, чем кажется».

Через несколько месяцев Бьёрн впервые взял в руки настоящий меч — старый, зазубренный, но живой.

Наставник Велон объяснял, куда лучше бить врага: в шею, в подмышку, где доспех тоньше.

— Не сила важна, — говорил он. — Точность.

Бьёрн учился. Падал, вставал, падал снова.

Однажды, когда он рубил соломенное чучело, отец снова пришёл в зал. С ним были двое лордов — Агмунд и Веллан. Веллан перебирал золотой перстень.

— Он хорошо держит оружие, — заметил Агмунд.

— Держит, — ответил Магнус. — Но не чувствует.

— Чувствовать не обязательно. Достаточно уметь.

— Нет, — сказал Магнус. — Если король не чувствует чужой боли, он легко начнёт убивать своих.

Бьёрн слышал этот разговор. Слова отца запали глубоко.

Когда занятие кончилось, Аста подошла к Бьёрну.

— Ты боишься стать жестоким? — спросила она, глядя прямо в глаза.

Бьёрн не сразу ответил. Он опустил меч, посмотрел на свои ладони — красные, в свежих мозолях, с ободранной кожей на пальцах.

— Не знаю, — сказал он наконец. — А надо бояться?

Аста усмехнулась, чуть склонив голову набок.

— Жестокие не спрашивают, надо ли бояться. Они просто делают.

Она шагнула ближе, заглянула ему в лицо.

— А ты спрашиваешь. Значит, не станешь.

— Откуда ты знаешь? — Бьёрн нахмурился.

— Потому что я тоже спрашиваю, — ответила Аста. — И пока не стала.

Она развернулась и пошла к выходу, но на пороге остановилась, обернулась.

— Ты не такой, Бьёрн. Не как твой отец. Запомни это.

Бьёрн посмотрел на свои руки — в мозолях, в цыпках, но чистые.

«Может быть, она права», — подумал он.

За окном смеркалось. Где-то внизу звякнула цепь колодца, залаяла собака.

Бьёрн поднял меч, вложил в ножны и пошёл ужинать.

Ночью, лёжа в своём покое, Бьёрн думал об отце, о мече, о тех словах: «Если не чувствуешь — ты пустота». Ему было семь лет, но он уже знал, что такое холод. И боялся, что однажды этот холод станет его единственным спутником.

За окном выл ветер. Бьёрн закрыл глаза и провалился в тяжёлый сон без сновидений.

Конец главы 2.

ГЛАВА 3. КОРОЛЬ-ОХОТНИК

Сторгард, замок Феллберг.

Принцу Бьёрну шёл двенадцатый год. На троне был Король Магнус Корвель, шестой из династии, правил Нордвигом уже много лет. На троне он казался тяжеловесным, даже грузным — широкие плечи, густая тёмная борода, голос как гром издалека. Лорды боялись его, придворные шептались за спиной. Но мало кто знал: настоящая жизнь Магнуса была не в тронном зале.

Он был охотником (истребителем чудовищ).

Когда вставали вопросы о поборах в казну и границах, Магнус хмурился и тянул с ответом. Но когда приходила весть о новой напасти — о чудище, что вылезло из болота, — он преображался. Глаза загорались, движения становились быстрыми, точными. Он собственноручно собирал отряд, проверял оружие, правил клинки.

— Король лучше рубит головы, чем подписывает указы, — шутили в народе.

Это была правда.

Магнус не считал свои охоты подвигами. Он называл это «работой». Работой по очистке Нордвига от нечисти, которая лезла из лесов, гор и болот. За его жизнь накопилось много таких охот. Великаны из Северных гор — он убил их дюжину, одного за другим, пока не загнал в глухие пещеры. Ночники (полуволки-полулюди из болот) из Топей Стенаний — их гнёзда жгли дымом и огнём. Болотные гады, что душили рыбаков — их травили ядом и смолой.

Бьёрн вырос на рассказах об этих делах. Иногда, за ужином, отец, размягчённый элем (хмельным напитком), вспоминал:

— В твои годы я уже ходил на первого глухаря — кровососущую тварь. Ох, и злобная тварь...

— Расскажи, — просил Бьёрн.

— Расскажу. Когда вырастешь.

Глухарь — одно из самых старых чудищ, с которыми сталкивался Магнус. Тварь величавой с крупную собаку, серая, приземистая. Тело покрыто мелкой чешуёй, твёрдой, как сухая кора. Голова треугольная, плоская, без глаз — вместо них два тёмных пятна, которые чувствуют тепло и движение. Сзади, на затылке, два тонких отростка (подвижных щупальца) — они улавливают запахи. Пасть полна мелких игольчатых зубов. Глухарь не рычит, не воет — он издаёт глухой, давящий звук «глу-у-х», от которого у людей закладывает уши и стынет кровь. Отсюда и прозвище.

Живут глухари в норах (подземных убежищах), стаями по три-пять особей. Охотятся ночью. Пьют кровь, оставляя жертв обескровленными, но живыми — чтобы вернуться на следующий день. Предпочитают животных, людей, почти всех, у кого есть кровь.

Магнус встретил своего первого глухаря в шестнадцать лет. Тогда он был ещё не королём, а младшим сыном, которого отец послал «понюхать пороха». Он не убил тварь — только ранил, и она ушла. Вернулся домой с пустыми руками и поклялся, что больше ни одна тварь не уйдёт от него.

Сдержал слово.

Однажды в замок прискакал гонец из северной деревни Кривые Сосны. Лицо его было белым, как полотно.

— Государь, — выдохнул он, падая на колени перед королём, — у нас беда. Дети пропадают. Третью ночь подряд. Нашли одного в лесу — на шее две маленькие ранки, тело белое, крови нет.

Магнус сидел на троне, подперев голову рукой. Бьёрн стоял рядом.

— Другие деревни? — спросил Магнус.

— Тоже. Глухарь, государь. Старый охотник говорит, это глухарь.

Магнус усмехнулся краешком рта. Усмешка была невесёлой, даже жестокой.

— Глухарь, — повторил он. — Давно не встречал. Думал, перевелись.

— Что это, отец? — спросил Бьёрн.

— Тварь, каких я убил много в свою бытность. — Магнус повернулся к капитану стражи Эйнару. — Собери отряд. Возьми следопыта Эрленда. Бьёрн поедет с тобой — пусть смотрит и учится. Я сам поведу.

— Но, отец, — начал Бьёрн.

— Не спорь, — оборвал Магнус. — Ты ещё не дорос до глухарей. Сначала посмотри, как это делается.

Отряд выступил на рассвете. Магнус ехал впереди, без шлема, с длинным охотничьим ножом на поясе. Бьёрн держался позади, стараясь не отставать.

Три дня поисков. Магнус вёл отряд по следам, которые другие не замечали.

Поломанные ветки, содранная кора, едва заметные царапины на камнях. Он объяснял Бьёрну:

— Глухарь не глуп. Он не оставляет прямых следов. Смотри на царапины — он чешет спину о камни, чтобы сбросить старую чешую.

— Откуда ты знаешь? — спросил Бьёрн.

— Опыт, — коротко ответил Магнус.

На четвёртый день наткнулись на логово. Нора под корнями старой сосны, вход узкий, но внутри просторно. У входа — кости, обглоданные так, будто их скоблили ножом.

— Здесь, — сказал Эрленд.

Магнус приказал разжечь костры, надымить дёгтем (густой смолой) и сырыми ветками. Бьёрн стоял поодаль, сжимая меч. Ему хотелось быть впереди, но он помнил слова отца.

Через час из норы показалась тварь.

Огромный глухарь, вдвое крупнее остальных. Старый, битый — на чешуе белели шрамы, один отросток на затылке оборван. Он замер, шевеля отростками, пытаясь понять, кто перед ним.

— Бьёрн, смотри, — тихо сказал Магнус. — Сейчас я покажу, как надо бить такого.

Король выхватил нож и шагнул вперёд.

Тварь бросилась. Магнус не отступил — ушёл в сторону, рубанул по лапе. Глухарь взвизгнул (звук был похож на скрежет железа), развернулся, но король уже был с другой стороны. Ещё удар — под чешую, в шею. Чёрная кровь хлынула на землю.

Бой длился недолго. Магнус убил глухаря одним движением: вогнал кинжал, в голову и провернул. Тварь забилась и затихла.

— Ты ранен? — спросил Бьёрн, подбегая.

— Царапина, — Магнус показал руку и сказал:

— Это пустяки.

В норе нашли ещё двух глухарей. Их добились копьями. Бьёрн не участвовал — только помогал таскать туши.

Когда отряд вернулся, король Магнус вышел на крыльцо. Бьёрн стоял рядом.

Магнус повернулся к летописцу Гриму, который уже готовил пергамент и чернила.

— Три твари, — сказал Магнус. — Норы сожжены дотла. Дымом выкурили, стрелами перебили. Одну, самую крупную, я зарубил лично.

Грим заскрипел пером.

— А как быть с теми, кто ушёл в лес?

— Не ушли, — ответил Магнус. — Я приказал завалить входы и поставить стражу. Если полезут снова — сожжём ещё раз.

Грим поднял глаза.

— Государь, а в хрониках писать, что это сделали вы один?

Магнус сделал паузу и сказал:

— Пиши, как было. Отряд под моим началом. И принц Бьёрн тоже был. Пусть знают, что наследник не прятался за спинами.

Грим поклонился и отошёл.

Бьёрн тихо спросил:

— Отец, зачем ты сказал про меня? Я только смотрел.

Магнус ответил, не поворачивая головы: — Затем, чтобы они привыкали. Ты не мальчик уже.

— Отец, — спросил Бьёрн, — почему ты не взял меня в бой?

Магнус посмотрел на него долгим взглядом.

— Потому что твоя задача сейчас — учиться. Не рубить. Смотреть, запоминать. Когда придёт время, я сам тебя позову.

Он положил руку на плечо сына.

— Твой дед учил меня. Я учу тебя. А ты когда-нибудь научишь своего сына.

Бьёрн молча соглашался. Внутри зажглось странное, незнакомое чувство — гордость.

Больше глухари не появлялись. Но Бьёрн знал: это не последняя тварь, которую убьёт его отец. Магнус будет охотиться, пока хватит сил. А когда сил не останется — на его место встанет сын.

Конец главы 3.

ГЛАВА 4. ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ. ЛИССА

Сторгард, замок Феллберг, Нижний Город. Весна.

Три года, прошедшие после истории с глухарями, изменили Бьёрна. Ему минуло четырнадцать — он вытянулся, плечи раздались, голос стал ниже, грубее. Волосы, всё ещё чёрные и густые, лежали на плечах.

Бьёрн не показывал боли, даже когда ныли кости после долгой езды.

Король Магнус по-прежнему правил твёрдо, но реже брал сына на охоты. Бьёрн уже не был маленьким мальчиком, которого нужно водить за руку. Он сам просился в отряды (воинские подразделения), сам вызывался на опасные поручения. Магнус разрешал, но с оговоркой: «Смотри, учись. Не геройствуй».

Бьёрну хотелось большего. Но он терпел.

Однажды Бьёрн с отцом стояли на крепостной стене, и ветер трепал плащ Магнуса, и он сказал сыну:

— Запомни, сын. Король должен быть сильным. Сильнее своей усталости. Сильнее страха. Сильнее боли.

— А если я не смогу? — спросил тогда Бьёрн.

Магнус посмотрел на него сверху вниз. Глаза у него были такие же голубые, как у сына, но тяжёлые, как свинец.

— Сможешь, — ответил он. — Или умрёшь. Третьего не дано.

Он помолчал, потом положил тяжёлую руку на плечо Бьёрна.

— Ты, сынок, будущий король. Когда я покину этот мир, ты станешь королём. И тогда вся тяжесть ляжет на тебя. Не на лордов, не на советников — на тебя.

Бьёрн сглотнул.

— Я... я постараюсь.

Магнус покачал головой.

— Не старайся. Делай.

Бьёрн запомнил эти слова навсегда. Не потому, что они были мудрыми. Потому что в них не было лжи.

Он не жаловался на усталость и не показывал боли, даже когда ныли кости после долгой езды.

1. Первая вылазка без отца.

Весной, когда снег сошёл и дороги просохли, Бьёрн попросил у отца разрешения съездить в Нижний Город (бедные кварталы Сторгарда). Не верхом, в сопровождении стражи, а пешком, без охраны — «посмотреть, как живут люди».

— Захотят убить — убьют, — ответил Магнус. — Ты наследник. А без охраны ты никто.

— Затем и хочю, чтобы узнать, каково это — быть никем.

Магнус подумал и разрешил — с условием, что Бьёрн наденет одежду простолюдина и возьмёт с собой только Свейна (оруженосца), того мальчика, с которым они в детстве играли. Свейн вырос и стал его оруженосцем, как и мечтал.

— И не показывай глаза, — добавил он. — Голубые — это сразу выдаст.

Бьёрн переоделся в грубую шерстяную куртку и поношенные штаны, натянул капюшон, закрывающий лицо, и вышел через ворота для слуг. Свейн шёл рядом, нервно оглядываясь.

Свейн оглянулся на стражников у ворот и спросил, понизив голос:

— А если кто-то нападёт на нас?

Бьёрн натянул капюшон глубже:

— Не бойся, Свейн. И называй меня просто Бьёрном.

Свейн кивнул, но голос всё ещё дрожал:

— Хорошо, ваше высочество...

Он тут же спохватился, покраснел.

— То есть... простите, Бьёрн. Просто для меня непривычно звать вас по имени.

— Брось, Свейн. Мы с тобой вместе выросли, а ты до сих пор не можешь меня по имени назвать.

Свейн ответил виновато:

— Не могу, — сказал он. — Не получается.

Бьёрн махнул рукой:

— Ладно. Идём.

Он первым шагнул на скользкие ступени. Свейн двинулся следом, то и дело оглядываясь.

Они миновали внешние стены и оказались в Нижнем Городе.

2. Нижний Город

Нижний Город встретил их запахом — тяжёлым, многослойным. Пахло рыбой, которую чистили прямо на лотках, навозом, смешанным с грязью, кислой капустой из бочек и дымом от очагов, где жгли всё подряд: торф, сухие ветки, старую мебель. К этому примешивалась сладковатая вонь нечистот из сточных канав.

Улицы Нижнего Города были узкими и кривыми, словно их проложили пьяные землемеры. Дома лепились друг к другу — старые, глиняные, в два-три этажа, с плоскими крышами, на которых сушили тряпье. Стены кое-где треснули, из щелей торчала солома. Окна маленькие, без стёкол — затянуты бычьим пузырьём или заткнуты тряпками. Двери покосились, пороги вытоптаны до блеска. Местами дома наклонялись так, что крыши почти касались соседних, и в таких переулках солнце не заглядывало никогда.

Люди жили обычной жизнью: женщины полоскали бельё в корытах, мужчины чинили снасти или таскали мешки с углём, дети бегали босиком по грязи. Все куда-то спешили, кричали, торговались, ругались. Бьёрн никогда не видел столько лиц сразу — сотни, тысячи, и каждое было разным.

— Здесь рынок, — сказал Свейн, указывая на площадь. — Если что-то нужно, ищите здесь.

Они пошли через рынок. Бьёрн смотрел на лотки: рыба, овощи, старая одежда, гвозди, горшки, свечи, хлеб, яблоки. Торговки перекивались, хватали за рукава, зывали:

— Эй, парень, купи яблоки! Свежие!

— Парень, глянь на это ожерелье! Всего три медяка!

Бьёрн шёл, стараясь не смотреть никому в глаза. Он чувствовал себя чужим — не потому, что боялся, а потому, что не знал языка улицы. Как вести себя, когда женщина хватается за рукав? Как отвечать, когда кто-то толкает в спину? Он не умел быть простым человеком.

3. Встреча

Они завернули в переулок, где пахло свежим хлебом. Из открытой двери пекарни тянуло теплом и дрожжами. Бьёрн остановился, вдохнул.

— Вот как пахнет жизнь. В замке пахнет смертью. А здесь — хлебом.

— Не только хлебом, — хмыкнул Свейн, кивая на сточную канаву.

Бьёрн шагнул, чтобы обойти лужу, и в этот момент из дверей ближайшего дома вышла девушка. Она несла корзину с луком — выскочила быстро, не глядя по сторонам, и врезалась прямо в принца.

Луковицы покатались по мостовой. Девушка охнула, присела, начала собирать, бормоча:

— Простите, господин, я не...

— Я не господин, — сказал Бьёрн, наклоняясь, чтобы помочь.

Девушка подняла голову. У неё было круглое, румяное лицо, нос картошкой, глаза серые, а волосы — густые русые, заплетённые в толстую косу, перетянутую кожаным ремешком. Она не была красавицей в том смысле, который вкладывали в это слово придворные. Но в её лице было что-то живое, настоящее, чего Бьёрн никогда не видел в замке. Она улыбалась — не слугам, не лордам, а просто так, потому что день был тёплый и лук для похлёбки будет свежим.

— Спасибо, добрый человек, — сказала она, забирая лук из его рук. — Вы местный? Я вас раньше не видела.

— Нет, я... приехал из северных деревень.

— А-а, вот почему одежда неказистая, — она не обижала, просто констатировала. — Меня зовут Лисса. Я здесь живу. А вы?

— Бьёрн.

— Странное имя. Как у Принца, — она усмехнулась. — Только Принц не ходит в драной куртке и не подбирает лук на мостовой.

Бьёрн почувствовал, как уголки губ сами собой поднимаются. Он почти улыбнулся — впервые за долгое время.

— Приходите вечером на поварню (замковую кухню), — сказала Лисса. — Я работаю в замке, помогаю поварам. Могу угостить вас горячим. А то вы худой, как доска.

— Спасибо. Я приду, — ответил Бьёрн
Он сдержал слово и вечером пришёл.

4. Поварня

Поварня находилась в нижнем этаже, между Чёрной и Восточной башнями. Это было огромное помещение с низкими сводами (потолками), в которых закоптились сотни лет копоти. Вдоль стен — каменные очаги, в которых одновременно жарили, варили и пекли. Жар от огня был такой, что через час любой чужак выбежал на улицу глотнуть холода. Но Бьёрн привык — он приходил сюда в сумерках, когда повара заканчивали работать и оставались только дежурные.

Лисса обычно сидела у дальнего очага, чистила картошку или резала лук. Бьёрн садился на перевернутое ведро рядом, и они разговаривали.

Она рассказывала о своей жизни — просто, без жалоб. О мельнице отца в деревне Нижние Криницы, о том, как речка Мокша летом мелеет, а весной разливается и затапливает огороды. О гусях, которые щиплют её за ноги, когда она выходит кормить их утром. О матери, которая пекла хлеб раз в неделю и всегда отламывала ей самый большой кусок — «потому что ты моя помощница». О замке: как повар Ранульф ругается, когда пригорает каша, как девушки-суломойки сплетничают по ночам, и как иногда из винного подвала доносится странное журчание — «наверное, духи».

Бьёрн слушал. Впервые в жизни ему не хотелось перебивать, анализировать, искать скрытый смысл. Просто слушать. Голос Лиссы был тёплым, как тот хлеб, который она иногда давала ему с собой — ломоть ржаного, с хрустящей коркой.

— А у вас? — спросила она однажды. — Вы из северных деревень. У вас есть семья?

— Есть, — ответил Бьёрн. — Отец. Он... строгий. Мать умерла.

— Простите. Я не знала.

— Ничего. Она была... далёкой. Как эти звёзды.

Он указал в узкое окно, где виднелось вечернее небо.

— Звёзды далёкие, но красивые, — сказала Лисса. — Ваша мать, наверное, была красивая?

— Да.

— Вы похожи на неё?

— Не знаю. Глаза — нет. Глаза у меня отцовские.

Лисса посмотрела ему в глаза. Они были голубые, яркие — даже в полумраке поварни заметно. Она невольно отшатнулась.

— Какие у вас глаза, — прошептала она. — Как у медведя на флаге.

Бьёрн молчал. Он забыл надеть капюшон.

— Вы не из северной деревни, — тихо сказала Лисса. — Вы из замка. Вы...

— Не бойся, — перебил он. — Я не сделаю тебе плохо. И прошу — не говори никому. Я хочу быть просто человеком. Хотя бы здесь.

Лисса долго смотрела на него. Потом молча кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Буду звать вас Бьёрн. Просто Бьёрн.

5. Первая нежность

С того вечера Бьёрн стал приходиться в поварню почти каждый день. Он помогал Лиссе чистить лук, носил дрова, иногда даже неловко и неумело месил тесто. Повара удивлялись, но Ранульф, старый ворчун с лицом в шрамах от ожогов, махнул рукой: «Лишние руки — не лишние». И не задавал лишних вопросов.

Лисса научила Бьёрна тому, чему не могли научить старый воин Велон или учительница Астрид. Она показала, как разжечь очаг одной спичкой. Как проверить, не испортилась ли мука. Как чистить рыбу, чтобы не пораниться. Как печь хлеб — «главное, тесто не перебить, а то хлеб станет жёстким».

— Зачем Принцу печь хлеб? — смеялась она.

— А зачем принцу или королю, уметь убивать? — отвечал Бьёрн. — И то, и другое — ремесло.

Лисса не понимала, но не перечила. Она чувствовала в нём что-то сломанное, но не лезла с жалостью — просто была рядом. И это было важнее.

Однажды вечером, когда поварня опустела и в очаге догорали угли, Лисса подошла к нему близко. Так близко, что он почувствовал запах её волос — запах хлеба и дыма.

— Бьёрн, — сказала она тихо. — Вы когда-нибудь целовались?

— Нет, — ответил он.

— Я тоже.

Она наклонилась и поцеловала его — быстро, робко, губами, пахнущими дрожжами. Бьёрн замер, потом положил руку ей на плечо. Её плечо было тёплым. Он не хотел отпускать.

Они стояли так посреди пустой поварни. Лисса уткнулась ему в грудь, и он обнял её — неуклюже, но крепко.

— Ты такой странный, — прошептала она. — Ты как изо льда. Но внутри тебя, кажется, есть что-то. Что-то, что не даёт тебе замёрзнуть насмерть.

— Может быть, это ты, — сказал Бьёрн.

Она улыбнулась. Поцеловала его ещё раз — в губы, медленно, словно прощаясь. И вышла из поварни.

Бьёрн остался стоять у очага. В темноте, под треск догорающих углей, он чувствовал тепло на губах и странную, щемящую нежность в груди. Не любовь — нет. Но что-то, что могло бы ею стать.

6. Прощание

Но этой нежности не суждено было продлиться долго.

Через месяц на поварню пришёл новый человек — Торкель, старший сын кузнеца, которого все звали «Большой Торкель». Ему было семнадцать, ростом он уже тогда перерос отца на голову. Руки — в цыпках, в мозолях, в мелких ожогах. Лицо простое, доброе, с ямочками на щеках, когда улыбался. Он пришёл чинить сломанную жаровню и сразу заметил Лиссу.

Она тоже заметила его. Бьёрн видел это — как она смотрит на Торкеля, как краснеет, когда он заговаривает с ней. Внутри что-то кольнуло. Не ревность — скорее холодное понимание: «Я — Принц. Она — дочь мельника. Торкель — кузнец. Она будет с ним. С ним — лучше».

Прошла неделя, когда Лисса отвела Бьёрна в сторону.

— Бьёрн, — начала она, теребя край фартука. — Вы знаете, Торкель... он попросил моего отца... хочет посвататься. И отец согласился.

— Ты будешь счастлива? — спросил Бьёрн.

— Я... не знаю. Он хороший. Добрый. И руки золотые — прокормит. А вы... вы принц. Вы не можете быть с такой, как я. Даже если бы хотели.

— Я хочу, — ответил Бьёрн.

Лисса подняла глаза. В них стояли слёзы.

— Тогда это ещё больнее, — сказала она. — Простите. Я не могу ждать того, кто никогда не будет моим.

Она поцеловала его в щёку и ушла.

Свадьбу сыграли через месяц. Бьёрна на ней не было — он не мог бы сидеть среди лордов и крестьян и улыбаться. Вместо этого он пришёл на поварню ночью, когда все спали. Постоял у очага, провёл рукой по столу, за которым они сидели. Потом нарезал хлеба, намазал мёдом и съел. Хлеб был пресным, мёд — приторным.

Он жевал и думал: «Вот что я запомню: мука на её ладони, запах её волос, её голос. И больше ничего».

7. Урок

Торкель, узнав, что Бьёрн бывал на поварне до свадьбы, ни о чём не спросил. Он вообще был молчаливым. Только однажды, встретив принца в переходе, сказал:

— Я буду заботиться о ней. Клянусь.

— Знаю, — ответил Бьёрн.

Они не стали друзьями — нет. Но уважение осталось. И много лет спустя, когда Торкель стал главным кузнецом Нордвиги и выковал для Бьёрна тот самый меч из нордвигской стали, они вспомнили этот разговор. Каждый о своём.

А Бьёрн запомнил другое: Лисса была первым человеком, который увидел в нём не принца, не наследника, не «голубоглазого медведя». Она увидела юношу, который боится замёрзнуть. И это воспоминание, как сладкий сон, осталось с ним навсегда.

8. Возвращение

Той весной Бьёрн вернулся к обычной жизни. Тренировки, советы, поручения отца. Но он стал чуть мягче, чуть внимательнее к тем, кто ниже его по положению. Эйнар заметил это не сразу. Однажды, когда они остались вдвоём на плацу, Эйнар присел на скамью, наблюдая, как Бьёрн тщательно протирает учебный меч тряпицей и сказал:

— Ты изменился, принц.

Бьёрн ответил, не поднимая головы:

— Я повзрослел.

— Повзрослел? — он покачал головой. — Нет. Ты стал мягче. Раньше ты ни на кого не смотрел, кроме лордов и врагов. А теперь задерживаешь взгляд на простых людях.

Бьёрн ответил, немного помолчав:

— Может, я просто устал быть камнем.

Эйнар встал, подошёл ближе:

— Или влюбился.

Бьёрн не ответил, только дёрнул плечом. Эйнар усмехнулся, хлопнул его по плечу и ушёл, насвистывая.

Отец, король Магнус, тоже заметил перемену. Однажды за ужином он долго смотрел на сына, не говоря ни слова. Потом встал и вышел из трапезной. Бьёрн не знал, что думал старый король. Но ему показалось, что в отцовском взгляде мелькнуло что-то похожее на одобрение.

Ночью Бьёрн стоял у окна, глядя на звёзды. Он думал о Лиссе, о Торкеле, о хлебе, который пахнет жизнью. На душе было тихо — не больно, не холодно. Просто тихо.

— Может, и не надо ничего больше, — сказал он себе.

Звёзды не ответили. Но ему и не нужен был ответ. Он отвернулся от окна и лёг спать.

Конец главы 4.

ГЛАВА 5. ПЕРВОЕ ТЕПЛО

Сторгард, замок Феллберг. Лето.

Четыре года, отделившие Бьёрна от встречи с Лиссой, превратили юношу в молодого мужчину. Ему исполнилось восемнадцать — он дорос до отцовского плеча, плечи стали шире, руки — сильнее. Каждодневные тренировки с Велоном сделали своё дело: он мог держать меч часами, не чувствуя усталости, и его удары стали такими же рублеными, как у отца. Но внутри он оставался тем же — замкнутым, холодным, наблюдающим.

Лисса давно жила с Торкелем (кузнецом, своим мужем), родила ему двоих детей, и Бьёрн почти не вспоминал о ней. Только иногда, проходя мимо поварни и вдыхая запах свежего хлеба, он на секунду останавливался — и шёл дальше.

Однако чувство, что он живёт не своей жизнью, становилось всё сильнее. Ему казалось, что настоящая жизнь — там, за стенами замка. В Нижнем Городе, где люди смеялись, ругались, торговали, любили. Но он не мог просто так взять и уйти. Он был единственным наследником короля Магнуса. Династия держалась на нём. Если бы он исчез — началась бы борьба за трон, и Нордвиг захлебнулся бы в крови.

Эта мысль сковывала его как кандалы.

1

Король Магнус по-прежнему правил твёрдо, но здоровье его начало сдавать. Старая рана, полученная в молодости в стычке с болотной тварью, иногда напоминала о себе глухой болью. Однако он не показывал слабости ни на советах, ни на людях. Бьёрн видел это, но молчал. Не время было напоминать отцу о старости.

Его жизнь была расписана по часам. Утром — молитва, потом завтрак в одиночестве отец уже заседал с советниками, потом тренировки, потом уроки с Астрид (старой учительницей), потом присутствие на советах, потом вечерняя стража, потом снова тренировки. Спать он ложился поздно, часто без сна ворочался на медвежьей шкуре.

Однажды, когда он стоял на крепостной стене, к нему подошёл Эйнар — молодой капитан стражи. Эйнар был рыжим, веснушчатым, с дерзкой улыбкой.

— Принц, — сказал он, опираясь на копьё. — Ты когда-нибудь отдыхаешь?

— Отдыхаю, — ответил Бьёрн.

— Не похоже. Ты как натянутая тетива. Смотри, лопнешь.

— Я не лопну.

— Все так говорят. А потом — бах. — Эйнар развёл руками. — Знаешь, что тебе нужно?

— Что?

— Расслабиться. Сходить в праздный дом. Или в прачечную. Там есть одна девица — Марта. Она необыкновенная.

Бьёрн посмотрел на него холодно.

— Не твоё дело.

— Как скажешь, — Эйнар усмехнулся и ушёл.

Но слова засели.

Марта

Идея пришла не сразу. Бьёрн не хотел искать утешения в объятиях незнакомки. Но однажды летом, в середине июля, когда жара стояла такая, что даже камни замка трескались, он случайно забрёл в прачечную — ту самую, о которой говорил Эйнар.

Прачечная находилась в подвале Восточной башни — низкое, длинное помещение с каменными чанами (большими ёмкостями для воды), в которых круглосуточно кипела вода. Пар клубился под сводом, оседая на стенах каплями. Пахло щёлоком, мыльным раствором из золы, мокрым бельём, потом и мылом. Вдоль стен стояли деревянные корыта.

Бьёрн спустился по узкой лестнице, ища выход к конюшням — он ошибся дверью. Но вместо того, чтобы сразу уйти, остановился на пороге.

Девушка стояла спиной к нему, наклонившись над корытом. Она напевала простую песню. Бьёрн не видел её лица.

— Вы что-то потеряли? — спросила она, не оборачиваясь.

— Откуда вы знаете, что я здесь? — удивился Бьёрн.

— Слышу дыхание. И от вас пахнет кожей — как от седла. Только принцы и стража так пахнут. А стражники не ходят в прачечную без дела.

Она обернулась. Ей было двадцать два года — полная, широкобёдрая, с большой грудью, которую едва удерживал выцветший лиф. Лицо простое, крестьянское, с веснушками на носу. Она вытирала руки о передник и смотрела на Бьёрна без страха — скорее с любопытством.

— Я Марта, — сказала она. — Старшая прачка. А вы — принц Бьёрн. Я знаю вас по глазам.

— Я не принц, когда я здесь.

— Ладно. Тогда просто человек, ты хочешь пить? Вода здесь есть, но тёплая и мыльная.

— Не надо. Я пойду.

Он повернулся, но она окликнула:

— Погоди. Ты когда-нибудь был с женщиной?

— Нет.

— А хочешь?

— Не знаю.

— Если не знаешь, надо попробовать.

Бьёрн не нашёл, что ответить. Марта взяла его за руку — грубой, горячей ладонью — и повела в дальний угол, за стопки чистого белья.

— Не бойся, — сказала она. — Я всё сделаю.

3. Первая близость

Она постелила на каменный пол несколько простыней. Бьёрн стоял, не зная, что делать.

— Ты никогда не раздевался при женщине? — спросила Марта.

— Нет.

— Тогда смотри.

Она раздела его сама — без смущения, без спешки. Бьёрн стоял бледный, худощавый, с выступающими рёбрами. Она провела ладонями по его плечам, груди.

— Худой, — сказала она. — Но жилистый.

Она скинула свой передник, стянула платье через голову и осталась в тонкой льняной рубашке, которая почти ничего не скрывала. Бьёрн смотрел на её тело — полное, мягкое, и впервые в жизни увидел грудь женщины. Грудь была огромной, тяжёлой, с тёмными сосками, которые затвердели от прохлады и возбуждения. От вида у него перехватило дыхание.

Марта заметила его взгляд, усмехнулась.

— Нравится? Не стесняйся. Трогай.

Она взяла его руку и положила себе на грудь. Пальцы Бьёрна утонули в мягкой, тёплой плоти. Он сжал — грудь подалась, сосок упёрся в ладонь. Марта тихо выдохнула, придвинулась ближе, и её груди прижались к его телу.

— Окупись в них, — прошептала она и, взяв его голову обеими руками, прижала его лицо к своей груди. Бьёрн уткнулся в горячую, пахнущую мылом и потом кожу, чувствуя, как сосок касается его щеки. Он замер, но Марта не отпускала.

— Дыши, — сказала она. — Привыкай.

Она погладила его по волосам, прижимая всё крепче. Бьёрн обхватил губами её сосок, лизнул. Марта застонала, откинула голову.

— Да... вот так. Не бойся.

Она толкнула его на простыни, нависла сверху. Её груди нависли над его лицом, и она снова опустила их ему на рот. Бьёрн втянул сосок в рот, сосал, покусывал, а Марта двигала бёдрами, тёрлась о его пах.

Потом она скользнула вниз, стянула с него штаны. Бьёрн был твёрдым. Марта усмехнулась, погладила его член, накрыла собой и медленно опустилась.

Бьёрн замер — внутри было тесно, горячо, влажно. Марта двигалась сама, задавая ритм, сжимая его бёдрами. Её груди колыхались перед его глазами, и она снова наклонилась, прижала их к его лицу.

— Лиж, — приказала она. — Не останавливайся.

Бьёрн лизал, покусывал, а она стонала всё громче. Потом она схватила его руки и положила себе на талию.

— Помогай. Не лежи.

Бьёрн начал двигаться навстречу, неуклюже, но всё быстрее. Марта вскрикнула, откинулась назад. Тогда он сам перевернул её, вошёл глубже. Она обхватила его ногами. Всё смешалось — пот, запахи, стоны.

После он лежал на спине, тяжело дыша. Марта гладила его по плечу.

— Ну как?

— Не знаю, — честно ответил он. — Моё тело было здесь. А я — где-то снаружи.

Она понимающе кивнула.

4. Герда

Через несколько дней Бьёрн снова почувствовал странный голод. Не по еде, не по сну — по чужому теплу. Он не хотел думать о том, что это значит. Просто искал.

Он задержался в поварне после ужина, когда девушки убирали посуду. В полумраке, пахнущем дымом и кислой капустой, он увидел Герду. Ей было девятнадцать — русая, с длинной косой и бледным, чуть рябым лицом. Она работала на поварне второй год, была молчаливой и нелюдимой. Говорили, что она из сирот, привезли из сожжённой деревни.

Бьёрн подошёл, когда она выносила помои.

— Ты не боишься меня? — спросил он.

Герда подняла глаза. Серые, светлые,

— А чего бояться? Вы — принц. Если захотите сделать плохо — сделаете. Я не могу помешать.

— А если я не хочу делать плохо?

— Тогда чего вы хотите?

Бьёрн не ответил. Он взял её за руку — узкую, холодную, с обломанными ногтями. Она не отдёрнула.

— Пойдём, — сказал он.

В кладовой, за мешками с мукой, было темно и тихо. Пахло зерном и плесенью. Герда не плакала, не спрашивала — она просто стояла, опустив голову, и ждала.

Бьёрн обнял её. Тело её было худым, острые ключицы торчали из-под грубой рубахи. Она не прижималась к нему, но и не отталкивала.

Он расстегнул её рубаху, обнажив грудь — аккуратную, среднего размера, с бледными сосками, похожими на бутоны. На мгновение Бьёрн вспомнил огромные груди Марты, которые

он тискал и целовал в прачечной. Те были тяжёлыми, горячими, они давили на него, заставляли задыхаться. А эти — нежные, и ему нравились и те, и другие. Но сейчас, с Гердой, он чувствовал себя не так, как тогда. Не как ученик, которого учат. А как мужчина, который сам решает, что делать.

Он наклонился, взял её сосок в рот, провёл языком. Герда вздохнула, запрокинула голову. Бьёрн целовал её грудь, проводил ладонями по спине, спустился ниже, к бёдрам. Она не сопротивлялась, но и не помогала — просто позволяла.

Он уложил её на мешки, раздвинул ей ноги и вошёл — медленно, почти нежно. Внутри было сухо, тесно, но он не торопился. Герда молчала, только иногда вздыхала. Бьёрн двигался плавно, глядя на её закрытые глаза, на то, как её грудь колеблется в такт.

После того, как всё кончилось, он не сразу вышел. Лежал на ней, чувствуя, как бьётся её сердце. А потом откатился на спину и уставился в потолок.

— Ты живой? — тихо спросила Герда.

— Живой, — ответил Бьёрн. — Кажется, да. Впервые за долгое время.

Она поправила юбку, села на мешок, обхватив колени руками. И ничего не сказала.

— Ты плачешь? — спросил Бьёрн.

— Нет. Просто... никто меня никогда не обнимал.

Бьёрн не знал, что ответить. Он вынул из кошелька серебряную монету, положил на мешок.

— Возьми.

Герда посмотрела на монету, потом на него.

— Я не за деньги, — сказала она.

— Я знаю.

Он вышел, оставив её в темноте.

5. Другие

Потом была Сигрид — кухарка из Нижнего Города, тридцати лет. Она не плакала, не жаловалась — просто делала своё дело и уходила. Бьёрн заплатил ей хлебом и вяленным мясом.

Он не гордился этим. Он просто искал то, что не мог найти.

Каждый раз он надеялся, что очередное тепло станет тем самым, которое заполнит пустоту. Но пустота оставалась.

6. Разговор с Мартой

Через несколько дней Бьёрн встретил Марту в переходе. Она несла корзину с чистым бельём, но, увидев его, остановилась, поставила корзину на пол руки на груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.